

Лекарь не смел лгать:

— Судя по нынешнему состоянию молодого господина Гу, если не прибегнуть к моему методу, останется лишь уповать на то, сможет ли он пережить эту ночь. Но судя по его нынешнему пульсу, боюсь... дело приняло дурное оборот.

Дурной оборот?

Сяо Юй смотрел на бледное, как смерть, лицо Гу Цзюэ, лежавшего на кровати. Неужели он умрет? Неужели всё закончится тем, что он умрет?

Тот самый дерзкий юноша, с которым он познакомился в Байюйцзине, умрет? Юноша, который после входа во дворец из кожи вон лез, чтобы угодить ему, и увяз в любовных сетях так глубоко, что не мог уже выбраться, умрет? Стоило ему лишь узнать, что он ввел его во дворец ради мести за Гу Ляньюэ, как он тут же готов умереть?

— Мне плевать, какими средствами ты это сделаешь, но спаси его! — Сяо Юй еще до конца не переварил случившееся, но приказ с языка сорвался сам собой.

На лбу лекаря выступил холодный пот:

— С-слуга сделает всё возможное.

Глядя на его перепуганный вид, Сяо Юй почему-то спросил снова:

— Если он переживет эту ночь, сколько времени у него останется?

Лекарь торопливо ответил:

— Вообще-то, если чахотку вовремя лечить и исправно принимать лекарства, человек не выпускает дух мгновенно. У меня в подчинении есть больной чахоткой, который болеет уже больше десяти лет, и то лучше, то хуже. Но молодой господин Гу совсем другой: его тело истощено до предела, да к тому же он наотрез отказывается принимать лекарства. Если так пойдет и дальше, боюсь, ему не прожить и полугода.

Лицо Сяо Юя потемнело:

— Он сам отказывается принимать лекарства?!

У лекаря сердце ухнуло в пятки, и он не посмел больше ничего добавить.

Сяо Юй произнес глухим голосом:

— Ставь иглы. Если он умрет, ты последуешь за ним на тот свет.

Жить хочется многим, да умереть трудно.

Лекарь мысленно взвыл от отчаяния, но понимал: раз уж государь раскрыл рот, его собственная жизнь теперь прочно связана с жизнью молодого господина Гу. Он резко повернулся, страх на его лице мгновенно исчез, сменившись предельной сосредоточенностью.

Сяо Юй стоял в комнате и наблюдал за лекарем. Он видел, как тот достал целый ряд длинных игл, затем распахнул одежду Гу Цзюэ, и первая длинная игла вошла в тело юноши.

— Угх! — Гу Цзюэ словно в одно мгновение испытал невыносимую боль. Даже в беспамятстве его тело судорожно сжалось в комок.

Видя, как он съежился от боли, и без того помрачневшее лицо Сяо Юя нахмурилось еще сильнее, и казалось, сам он почти растворился в тенях.

С каждой вонзенной иглой лицо Гу Цзюэ менялось: некогда бледная кожа теперь налилась багрово-фиолетовым цветом, губы почернели, а тело и лицо покрылись испариной. Даже в бессознательном состоянии его трясло мелкой дрожью.

Сейчас Гу Цзюэ выглядел до невероятного хрупким. Сяо Юй, точно так же, как и тогда, когда смотрел на его рвоту кровью, почувствовал, что происходящее перед его глазами — чистая иллюзия.

В тумане воспоминаний вспомнилась их первая встреча.

Это было в одном из трактиров Байюйцзиня. Гу Цзюэ сидел там в одиночестве и ел. Он привлекал к себе всеобщее внимание, и стоило ему занять место, как вокруг тут же начинались пересуды. Сяо Юй тогда скрывал свою личность и случайно услышал чужие разговоры, а следом разыгралась драматическая сцена: какой-то уличный хулиган стал приставать к поющей девчонке, слуги Гу Цзюэ спасли ее, и тут же последовал классический сюжет, так любимый зевачами, когда спасенная богатым юношей девица изъявляет желание отплатить за спасение своей рукой. Все ждали, примет ли Гу Цзюэ эту красоту, а он лишь бросил небрежно:

— Убирайся, пока мне не опротивело твое лицо, иначе в этом Байюйцзине тебе больше не жить.

Спас человека, но никаких любезностей показывать не стал. Сяо Юй тогда впервые присмотрелся к Гу Цзюэ повнимательнее — слухи о том, что в Байюйцзине мало благородных девиц из клана Гу, но все они стоят друг друга, оказались правдой.

А теперь взгляните на него: некогда дерзкий молодой господин Гу превратился в лежащего на

постели полумертвого юношу. Как он дошел до такой жизни?..

На мгновение Сяо Юй даже почувствовал некую растерянность. Глядя на хмурого, с зажмуренными глазами, но продолжающего дрожать всем телом Гу Цзюэ, он вдруг захотел кого-то убить.

Гу Цзюэ чувствовал, что его тело стало невероятно легким, словно оно взмыло в воздух. Первой его мыслью в этот миг было: я умер?

Но думать долго ему не дали: он ощутил, что перенесся в какое-то знакомое место.

Несмотря на сумрачное небо и сверкающие молнии, он с первого взгляда узнал огромные иероглифы на воротах: поместье Гу. Алые лакированные створки — эта вывеска родного дома красовалась перед его глазами больше десяти лет. Он остолбенел, в оцепенении шагнул внутрь поместья. Никто не обращал на него внимания, но сам он видел всех вокруг. До того как войти сюда, он еще не до конца осознавал происходящее из-за внезапности перемен, но стоило переступить порог поместья Гу, как на него словно снизошло озарение.

Дрожащими пальцами он пробормотал:

— Отец, мама... вы здесь?

Никто не ответил, впрочем, ответа он и не ждал.

Он вихрем пронесся по павильонам и галереям. Никто его не видел, сам он никого не мог расспросить, но это место было знакомо ему до боли — здесь он прожил больше десятка лет. Не найдя никого в передней зале, он бросился во внутренний двор. Вскоре он помчался напрямик к спальне матери и, еще не успев войти, у самых дверей Восточного внутреннего двора заметил человека — до боли знакомого, того, кого он бесчисленное количество раз видел в своих снах.

Этот человек был одет в дорожный наряд для верховой езды, с суровым и холодным выражением лица. На поясе болтался нефритовый кусок из Хотана — работа была донельзя ужасной, ведь он вырезал его своими руками и преподнес в подарок на день рождения. И хотя вещь вышла безобразной, тот носил ее, не снимая ни дня с самого момента получения.

— ...Брат, — с глаз сорвались слезы, затуманив зрение.

Гу Мин на мгновение нахмурился, шаги его замедлились. Шелший рядом слуга недоуменно осведомился:

— Старший молодой господин, в чем дело?

Гу Цзюэ воочию видел, как Гу Мин обернулся в его сторону. В этот момент сердце у него

заколотилось птицей, но Гу Мин тут же отвел взгляд, на его лице промелькнуло недоумение, и он холодно бросил:

— Ничего.

Это был его привычный старший брат — единственный из всех детей, унаследовавший внешность матери.

Гу Цзюэ и его сестра походили на отца. Гу Ляньйэ тоже лицом больше удалась в отца, и все знали, что в молодости маркиз Гу был идеалом для каждой девичьей грезы в Байюйцзине. Но сам Гу Цзюэ больше всего любил старшего брата, так похожего на матушку. Отец хоть и баловал его, но времени проводил с ним куда меньше, чем брат — именно старший брат растил его.

В этот миг Гу Цзюэ горько заплакал навзрыд. И тут он услышал слова Гу Мин:

— Сегодня мама вовремя приняла лекарство?

Зачем матушке принимать лекарство?

Беспорядочно утирая слезы с лица, охваченный тревогой Гу Цзюэ бросился вслед за Гу Мином в дом, проследовал за ним в покои и замер, уставившись на лежащую в постели мать: ее лицо приобрело землистый оттенок, и сама она выглядела так, будто постарела разом на десять лет.

Гу Цзюэ так и замер на месте, а затем увидел, как Гу Мин выпроводил слуг и заговорил с матерью:

— Как ваше самочувствие? Лекарь сказал, что ваше тело ослабло от излишних дум и тревог. Можете не беспокоиться, я навел справки через людей: с Янь Хуа в Тяньци всё в порядке.

Янь Хуа — это было второе имя Гу Цзюэ. Мало кто смел звать его так, за исключением старшего брата, которому нравилось это имя, ведь он сам и выбрал его для младшего.

Мать произнесла:

— Как же может быть всё в порядке? Разве ты не знаешь нрав своего младшего брата? Я только и слышу, что во дворце у этого Сяо Юя наложницы меняются как перчатки. Разве твоему брату будет сладко в том гареме при таком его отношении? Упрямец он страшный, а Императорский дворец Тяньци — это тебе не наше поместье Гу, там никто не станет с ним сюсюкаться. Он там без роду и племени, без какой-либо опоры, да к тому же мы так далеко от него... Что же делать, если и вправду случится беда? — говоря это, она едва не плакала, глаза ее покраснели.

Сердце Гу Цзюэ сжалось от острой боли. Глядя на седину на висках матери, он рухнул на колени. Тысячи слов застряли в горле, губы беззвучно шевелились, но вымолвить он ничего не

мог. Он давился слезами, слушая, как старший брат утешает матушку:

— Сейчас как раз новый император на престол взошел, скоро послы отправятся в Тяньци с посланием. Не переживайте, матушка, я сам отправлюсь в Тяньци с верительными грамотами. Что-нибудь придумаю, лишь бы повидаться с Янь Хуа.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар. Брат собирается в Тяньци! Если он обнаружит, что тот уже умер в Тяньци, с буйным нравом брата добром это не кончится.

— Не езд! — кричал Гу Цзюэ прямо в ухо Гу Мину.

Но как бы громко он ни кричал, Гу Мин его не слышал. Охваченный паникой, Гу Цзюэ протянул руку, чтобы схватить его, но пальцы прошли сквозь пустоту. В этот момент грохот грома на улице стал еще оглушительнее. Чем сильнее гремел гром, тем острее становилась боль в теле, пронзая его всё глубже. Боль была такой невыносимой, что рассудок начал стремительно меркнуть.

Неужели его душа сейчас рассеется в небытие?

В этот отчаянный момент он протянул руки к матери и старшему брату, а в следующее мгновение услышал донесшийся словно из самого ада голос:

— Гу Цзюэ, если ты вот так умрешь, я развею по ветру прах того твоего припрятанного слуги! Пусть Синин и далеко, но мне ничего не стоит расправиться с твоими родными!

Гу Цзюэ резко распахнул глаза:

— !! — и рывком сел на кровати.

Одновременно с этим его захлестнула еще более жуткая волна боли. Горло обожгло соленой сладостью крови, и его резко качнуло набок:

— Кхе! — изо рта фонтаном хлынула черная кровь.

В голове у Гу Цзюэ все еще шумело, воспоминания о матери и старшем брате продолжали крутиться в мыслях. Но в следующую секунду он услышал радостный вопль лекаря:

— Слава небесам! Отмучился, пересилил! Черная застоялась, выплеснулась — теперь полегчает!

Выплюнув эту кровь и глядя на ликующее лицо лекаря, Гу Цзюэ сперва опешил, а затем с изумлением осознал: он ведь не умер! Сяо Юй видел, как его рвет кровью, и тем не менее спас его?

Он действительно спас его?

Нет, сейчас это уже не главное. Главное — что было то, что он только что видел? Всего лишь плод воображения от дневных дум, или же он на мгновение и впрямь повидал матушку и старшего брата?

Он тяжело и прерывисто дышал. Тело казалось неподъемной тяжестью, грудь невыносимо болела, и хотя первая порция крови вышла, полного облегчения не наступило — следом подступила новая волна тошноты. Кровь в его жилах словно обезумела, стремясь поскорее покинуть тело.

Его вырвало кровью шесть раз подряд, пока силы окончательно не оставили его, и он рухнул обратно на постель. За мгновение до того, как он обмяк, чья-то рука поддержала его сзади за спину, не давая мешком упасть плашмя. Гу Цзюэ машинально хотел поблагодарить, но, повернув голову, наткнулся на мрачный взгляд Сяо Юя. И тут в памяти молнией сверкнуло то, что он услышал сразу после пробуждения.

Это не был бред воображения!

— Нет! Не смей трогать моего брата! — помимо своей воли сорвалось с губ Гу Цзюэ.

Гу Цзюэ чувствовал: то, что он видел только что, не было пустым видением. Вероятно, он действительно был на пороге смерти, и перед кончиной его душа тосковала по родителям, оттого и вернулась в Синин. Но каким-то непостижимым образом его вытащили обратно. И хотя он не понимал, как такое возможно, эта встреча с родными сделала мысль о расставании с ними еще более невыносимой.

Если на этом свете у тебя не осталось никого, о ком бы ты болел душой, умереть проще простого. Но стоит лишь узнать, что кто-то тоскует и переживает о тебе, добровольно уйти из жизни становится чертовски трудно.

Когда Гу Цзюэ покидал родной дом из-за собственного упрямства, мать бросила ему жестокие слова, что отрекается от него и больше не считает своим сыном. Он думал, что дома все считают его позором, а потому, когда в минуты отчаяния он хотел покончить с собой, в сердце не было особого чувства вины перед близкими — он был сосредоточен лишь на собственных страданиях. Но теперь, увидев больную матушку, которая все еще тревожится о нем, и старшего брата, он понял, как чудовищно ошибался.

Это он слишком легкомысленно отнесся к кровным узам! Это он проявил сыновнюю неблагодарность! Мало того, что он покрыл позором имя отца и матери, так еще и заставил их страдать и умирать от переживаний!

Как же он мог из-за собственных бед обрекать семью на такие напасти?!

Стиснув зубы, Гу Цзюэ ощутил всплеск невиданной доселе жажды жизни. Он в упор уставился на Сяо Юя:

— Я не умру. И больше не буду искать смерти. Только не трогай мою семью! И не смей развеивать прах Хуашэна! Я знаю, что ты делаешь это ради мести за Гу Ляньйэ. Поклянись, что не тронешь моих родных, а взамен я стерплю от тебя всё что угодно!

Услышав это, лекарь машинально попытался вставить слово:

— То, что Ваше Величество изволили сказать тогда, на самом деле...

Не успел он договорить, как Сяо Юй бросил на него холодный взгляд. От этого взгляда у лекаря волосы встали дыбом, и он захлопнул рот, не посмев закончить фразу.

Гу Цзюэ не понял, к чему были слова лекаря, сейчас его мысли и чувства целиком занимал страх за старшего брата! Он был смертельно испуган.

Он жалобно заглядывал в глаза Сяо Юю, и в этом молении читалась мольба, которой он прежде никогда не выказывал перед императором.

Сяо Юй смотрел на упрямое, хрупкое и в то же время пропитанное упрямством лицо Гу Цзюэ. Разумеется, он знал, как сильно тот дорожит своими родными, но чтобы Гу Цзюэ униженно просил его о чем-то — такое случалось впервые.

Тот и вправду верил, что он, Сяо Юй, способен на подобную низость.

В груди Сяо Юя закипел гнев. Он отдернул руку, которой только что поддерживал его спину, завел ее за спину и медленно сжал в кулак.

Раз уж тот считает его мерзавцем, то разве не было бы преступлением перед такими подозрениями с его стороны вести себя благородно?

Сяо Юй холодно усмехнулся:

— Что ж, смотри держи слово.

Значит... он согласился?

На сердце у Гу Цзюэ отлегло, но тут же накатила горькая волна. Раньше он гадал, с какой стати Сяо Юй вдруг решил спасти его, но теперь всё встало на свои места: император хотел оставить его в живых лишь потому, что посчитал свои издевательства недостаточными. Но теперь это было неважно. Совершенно неважно.

Что бы Сяо Юй ни делал с ним дальше — не имеет значения. Пусть лучше он выжжет дотла эти недозволенные небесами чувства, что еще теплились в его голове; пусть сотрет в порошок всё то, чего быть не должно, и заставит его больше не поддаваться слепым порывам!

Сяо Юй издал насмешливый фырк и зашагал прочь. На выходе его уже давным-давно ожидал Ван Хай. Семенивший за ним евнух с трепетом приблизился:

— Ваше Величество, до утреннего доклада остался всего час. Не желаете ли отведать чего-нибудь, чтобы заморить червячка?

Оказывается, он провел в той комнате столько времени, ухаживая за больным, что ноги даже немного онемели.

— Не нужно, — лицо Сяо Юя оставалось мрачным. Он вышел из покоев, и кто-то тут же услужливо раскрыл над ним зонт. Заметив, что император не собирается садиться в императорский паланкин, Ван Хай немного встревожился.

Не смея ничего сказать, он лишь еще ниже согнул спину. Добравшись до Зала Цяньюань, Сяо Юй оглянулся на бескрайнюю дождевую завесу и глухо бросил:

— Как думаешь, Ван Хай, было бы лучше, если бы Гу Цзюэ умер?

Сердце Ван Хая пропустило удар. Разве посмел бы он ответить на такое? Но и промолчать нельзя. Тщательно подбирая слова, он произнес:

— Этот ничтожный глуп и не разумен, но мне думается: кто бы ни ушел из жизни, хорошего в этом мало.

Сяо Юй мрачно покосился на евнуха:

— Я ведь ненавижу его. То, как он заявлял о своей любви ко мне, звучало до смешного нелепо — стоило мне только потерять Ляньйэ, как он бесстыдно отдался мне. Такой человек не стоит сожалений, даже если подохнет. Но когда он только попал во дворец, я как раз взошел на престол, дел было невпроворот, и у меня попросту не оставалось времени измываться над ним. Позже, наблюдая, как он грызнется с наложницами в гареме, я испытывал лишь еще большее отвращение: мужчина — и вдруг ведет себя как капризная девчонка! Но теперь у него чахотка, и если не лечить как следует, ему осталось жить от силы полгода.

Едва он умолк, как в небе раскололся громовой раскат. Вспышка молнии выбелила бледное лицо Сяо Юя. Он поднял руку и увидел на ладони несколько бледных следов от ногтей в форме полумесяцев, покрытых запекшейся кровью.

Ван Хай испуганно ахнул:

— Ваше Величество, вы поранили руку!

Сяо Юй уставился на ранку на ладони. Почему тогда, глядя на то, как Гу Цзюэ содрогается в постели от боли, он до крови впился ногтями в собственную плоть и даже не почувствовал боли?

С тех пор Гу Цзюэ засел в покоях лечиться и пролежал так целых четыре дня. Раз уж он пообещал Сяо Юю не сводить счетов с жизнью, то исправно принимал лекарства, отдыхал и ел, не забывая голову посторонними мыслями. Кто знает, возможно, оттого, что он внутренне отпустил нечто важное, на душе стало не так тяжело. За эти дни лечения ему даже стало лучше — приступы кашля заметно утихли.

В тот день стояла на редкость хорошая погода. На Гу Цзюэ вдруг напало какое-то праздное настроение, и он вышел посидеть во внутреннем дворике. В воздухе все еще витал знакомый аромат османтуса, а из-за ограды доносились обрывки голосов проходящих мимо евнухов и служанок.

Его Дворец Чжаоян располагался в глухом, уединенном месте, где посторонние шумы раздавались редко. Поразмыслив, он сообразил: сегодня ведь день Праздника ста цветов. Память живо подкинула слова Сяо Чуня, оставившие столь глубокий след. Вспомнив про Праздник цветов, он невольно вспомнил и самого Сяо Чуня, а вслед за этим в памяти всплыла та фраза: Наложница Ли потеряла ребенка, так что я отправлю тебя из дворца. Молодой господин Гу, я жду от тебя хороших новостей.

Гу Цзюэ погрузился в безмолвные раздумья, как вдруг во двор вошел человек.

— Молодой господин Гу, Ваше Величество призывает вас.

Сердце Гу Цзюэ подпрыгнуло.

Днем Сяо Юй большую часть времени проводил в Зале Цяньюань. Гу Цзюэ прежде никогда туда не заходил — это было место, где государь вершил государственные дела. Раньше его ноги не было в тех покоях, но теперь, когда их отношения зашли в столь причудливый тупик, ему все же довелось переступить этот порог. Казалось, вся его история с Сяо Юем была насквозь пропитана горькой иронией.

Грузить себя лишними раздумьями он не стал — от них не было проку. Войдя внутрь, он сразу увидел Сяо Юя.

После того дня откровенности они встретились вновь. И каждый раз, стоило ему увидеть императора, душевное состояние Гу Цзюэ менялось. Он смотрел на Сяо Юя, склонившегося

над письменным столом за разбором свитков с докладами. Тот был предельно сосредоточен. Когда Гу Цзюэ переступил порог, Сяо Юй даже не поднял на него глаз, а сам Гу Цзюэ больше не тайком украдкой разглядывал его в те моменты, когда император углублялся в работу, испытывая при этом тайную радость.

Опустив голову, Гу Цзюэ подумал немного и опустился на колени.

Сяо Юй был занят чтением докладов и поначалу не обращал ни на что внимания. Чтение затянулось надолго, и когда император наконец поднял голову, Гу Цзюэ стоял на коленях перед ним уже добрых полчаса.

Раньше Сяо Юй никогда не замечал за собой, что при виде Гу Цзюэ его гнев выходит из-под контроля. Но с того момента, как тот впервые попросил отпустить его из дворца, Сяо Юй уже не мог сохранять прежнее хладнокровие при одной встрече с ним.

Раздражение вновь всколыхнуло его грудь. На краю стола стояла чашка чая; не глядя, он схватил ее и швырнул в сторону Гу Цзюэ. Чашка разлетелась вдребезги о каменный пол как раз у ног юноши, и один из осколков, отскочив, внезапно рассек кожу на тыльной стороне его ладони.

Гу Цзюэ почувствовал жгучую боль, и теплая струйка крови потекла по руке, распустившись алым цветком на полу Зала Цяньюань.

Глядя на капли крови, сочащиеся с тыльной стороны его руки, Сяо Юй вспомнил, как недавно, вскоре после того, как Гу Цзюэ выплакался, изо рта у него хлынула кровь.

Зрачки Сяо Юя резко сузились:

— Живо встань!

Однако Гу Цзюэ не смог подняться сразу — его ноги онемели от долгого стояния на коленях, и тело не слушалось.

Лицо Сяо Юя помрачнело еще сильнее, и он холодно бросил:

— У вас в Синине на коленях стоят только по мертвецам? Если ты не встаешь, значит, намеренно проклинаешь меня. Знаешь ли ты, какое преступление — проклинать императора?

Гу Цзюэ онемел от изумления. Если бы тот захотел придраться, то даже его дыхание показалось бы преступлением. Подавив бурю в душе, он произнес:

— Не смею, и в мыслях не было. Просто ранее Ваше Величество изволили сказать, что исполнять женские поклоны противно, поэтому я...

Сяо Юй с издевкой перебил его:

— Женские поклоны в твоём исполнении вызывают тошноту, но ты вполне можешь попробовать евнушеские.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар. Он резко поднял голову и недоверчиво уставился на Сяо Юя:

— Ваше Величество? — что это значит?

Поняв, что тот наконец догадался, Сяо Юй бросил наружу:

— Ван Хай.

Ван Хай тут же вошел, бережно что-то прижимая к груди. Подойдя ближе, Гу Цзюэ отчетливо разглядел, что именно он держит — это был комплект евнушеского платья.

В этот миг губы Гу Цзюэ приоткрылись, но тысячи слов застряли в горле, не находя выхода.

Он предполагал, что Сяо Юй станет унижать его: прикажет высечь палками, заставит стоять на коленях или упрячет в темницу, где полно других орудий пыток. Но он никак, вовек не мог представить, что Сяо Юй потребует от него стать евнухом!

Гу Цзюэ затрясло. Глядя на евнушеское платье, он внезапно зашелся в приступе кашля, согнулся пополам и, припав к полу, заходился в надрывном кашле.

В этот момент Ван Хай помог Гу Цзюэ подняться на ноги и тут же надел ему на лицо некий предмет.

Гу Цзюэ судорожно втянул воздух, силой подавляя кашель.

— Это маска. Надень ее, и впредь не смей снимать в моем присутствии.

<http://bllate.org/book/21167/2144645>